

Русскій европеецъ

(Къ 70-лѣтію П. Н. Милюкова).

Понадобилась бы спеціальная монографія, чтобы охарактеризовать — не то что описать — разностороннюю жизнедѣятельность П. Н. Милюкова. Нѣкоторыя стороны этой разнообразной дѣятельности, можетъ быть, вообще не дано охватить современникамъ — противникамъ и единомышленникамъ сегоднешняго юбиляра. Ибо и сейчасъ, какъ 35 лѣтъ сряду, продолжаетъ онъ волновать умы и сердца, продолжаетъ занимать одно изъ центральныхъ мѣстъ, вокругъ которыхъ не умолкаютъ теоретическіе споры и общественно-политическія страсти.

Во всякомъ случаѣ не здѣсь, не сейчасъ и не мнѣ пытаться дать всестороннюю характеристику П. Н. Милюкова, какъ ученаго, какъ политика и писателя-публициста. Если давать характеристику здѣсь и сейчасъ — характеристику по необходимости общую и бѣглую, — я бы сказалъ: жизненный, научный и общественно-политическіе пути П. Н. Милюкова опредѣляются тѣмъ, что онъ былъ русскій европеецъ.

Русскій европеецъ и терминологически, и въ качествѣ культурно-психологическаго типа — явленіе специфически русское, созданное европейски-азіатской протяженностью русскаго государства. Было бы лишено смысла говорить о типѣ нѣмецкаго, французскаго или британскаго европейца, ибо европеецъ и есть — общее и производное отъ всѣхъ этихъ культурно-психологическихъ типовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Въ такой же мѣрѣ полна глубокаго смысла и незаглушенныхъ и по сей день страстей — обращенность русскаго къ Европѣ, а не къ Азіи, къ западнымъ формамъ культуры, а не къ восточнымъ.

Русскій европеецъ обозначился въ П. Н. еще до того, какъ онъ вышелъ на общественно-политическую авансцену. Уже въ историкѣ Милюковѣ сказался русскій европеецъ

не только въ тѣхъ выводахъ, къ которымъ онъ пришелъ въ итогъ своихъ изслѣдованій, но и въ выборѣ темъ и вопросовъ, на которыхъ сосредоточился его изслѣдовательскій интересъ и вниманіе, въ самомъ его подходѣ къ историческимъ проблемамъ и проблемамъ русской исторіи.

Не приходится, конечно, говорить о томъ, что работы Милюкова находились на уровнѣ первоклассныхъ европейскихъ трудовъ. Но слѣдуетъ помнить, что, вмѣстѣ съ другими русскими историками, Милюковъ содѣйствовалъ открытію Россіи для Европы: его работы по русской исторіи стали доступны иностранцамъ еще съ 90-хъ годовъ, когда впервые появились на нѣмецкомъ языкѣ его «Очерки по исторіи русской культуры». Въ то же время Россіи Милюковъ прививалъ достиженія европейскаго запада: къ явленіямъ русскаго прошлаго прилагалъ приемы и методы западно-европейской науки, для русской политической дѣйствительности рекомендовалъ начала западно-европейскаго конституціонализма и народоправства.

Для объясненія русской исторіи П. Н. Милюковъ пользовался экономическимъ методомъ, не принимая крайностей «экономическаго матеріализма» и съ рѣшительностью отвергая «матеріализмъ философскій». «Матеріальный характеръ экономическаго фактора» казался ему мнимымъ, — «на самомъ дѣлѣ явленія человеческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія обществности». Милюковъ былъ и остался противникомъ «антропологическаго міровоззрѣнія» русской соціологической школы. Онъ защищалъ противъ нея монизмъ, въ которомъ видѣлъ и цѣнилъ идею закономернаго въ исторіи. Но въ работахъ своихъ онъ всегда оставался на болѣе устойчивомъ базисѣ научнаго плюрализма. П. Н. Милюковъ отказывался выводить духовное изъ матеріальнаго или даже противопоставлять одно другому. Историкъ, по его мнѣнію, долженъ слѣдить за параллельнымъ развитіемъ многообразныхъ сторонъ человеческой натуры. Онъ предлагаетъ изучать взаимодѣйствіе разныхъ сторонъ человеческой культуры и самъ занимается анализомъ внутренней эволюціи «русскаго теоретическаго и нравственнаго міропониманія, независимо отъ измѣненій и удовлетворенія экономическихъ потребностей».

Этимъ объясняется, почему «Очерки по исторіи русской культуры» и послѣ 35-лѣтней давности сохраняютъ свое значеніе не только памятника русской образованности и науки, но и предмета актуальнаго теоретическаго спора, — какъ это можно видѣть хотя бы изъ статьи П. М. Бицилли «Нація и Государство», помѣщенной въ этой же книгѣ журнала. Былые споры Милюкова съ Рюккертомъ и Н. Данилевскимъ нынѣ воскрешены въ спорахъ съ Шпенглеромъ, О. Шпаномъ и нашими зарубежными «евразійцами».

П. Н. Милюковъ не былъ бы русскимъ интеллигентомъ, если бы онъ не былъ въ той или иной мѣрѣ доктринеромъ. Но то, что онъ былъ русскимъ европейцемъ, заставило его въ русскую истовость и «широкость» — «широки природы русскія!!» — вносить начало умѣряющее и упорядочивающее; заставило «гармонію» доктрины провѣрять опытомъ жизни. Это сказалось и въ приемахъ его научной работы, и въ характерѣ его общественно-политической дѣятельности. Здѣсь, какъ и тамъ, стремился онъ поставить Россію вровень съ Европой: какъ европейецъ, — не забывая общихъ законовъ развитія государствъ въ сторону права и свободы, какъ русскій, — не упускающая изъ виду своеобразныхъ условий развитія русской государственности.

Милюкова причисляютъ къ лагерю западниковъ. Онъ самъ предпочитаетъ говорить о русскомъ либерализмѣ, «снимающемъ» противорѣчія между націонализмомъ и западничествомъ. Въ дѣйствительности Милюковъ — западникъ въ томъ смыслѣ, что онъ былъ и остался непримиримымъ противникомъ специфически русскаго «самобытничества» и «націонализма». Онъ всегда желалъ, чтобы европейскій элементъ, не заимствованный, а органически присущій Россіи, взялъ въ ней верхъ надъ элементомъ азиатскимъ. И въ то же время П. Н. Милюковъ — противникъ западничества, если подъ этимъ понимать отрицаніе «большой разницы» между Россіей и Западной Европой. Подчеркивая «могущественное вліяніе исторической обстановки», П. Н. Милюковъ всегда подчеркивалъ элементарность и отсталость русскаго историческаго процесса. Ожесточенно опровергая мнѣніе «нашихъ націоналистовъ» будто между Россіей и Европой нѣтъ ничего общаго, какъ между рыбой съ ея жабрами и млекопитающимъ съ его легкими, — Милюковъ не соглашался и съ

тѣми, кто признавалъ тождественность процессовъ, чрезъ которые проходили и должны пройти Европа и Россія. «Ни пересадить Европу въ Россію, ни сдѣлать русское прошлое настоящимъ — одинаково невозможно».

У Россіи съ Европой П. Н. Милюковъ признаетъ и черты схода (внутреннихъ законовъ развитія), и разнобразія (особенности среды), и случайности (вліянія отдѣльныхъ лицъ). «Во всѣхъ областяхъ жизни историческое развитіе совершается у насъ въ томъ же направленіи, какъ совершалось и вездѣ въ Европѣ. Это не значитъ, что оно приведетъ въ частностяхъ къ совершенно тождественнымъ результатамъ, но тождественности мы не встрѣтимъ и между отдѣльными государствами Запада... Самое подведеніе ихъ подъ общую рубрику «западное государство» можетъ имѣть только весьма условное и относительное значеніе». «Нѣтъ, историческая жизнь Россіи не остановилась; она шла своимъ ходомъ, можетъ быть, болѣе медленнымъ, но непрерывнымъ, и слѣдовательно, пережила извѣстные моменты развитія, пережитые и Европой, — по своему... Мы уже не можемъ, какъ предполагали нѣкоторые наши старые писатели, совѣтовать Россіи пережить сначала всѣ стадіи европейской жизни, чтобы придти къ европейскимъ результатамъ. Такъ или иначе нѣкоторыя изъ этихъ стадій навсегда пережиты».

Отсюда — и опредѣленная культурно-политическая оріентація.

«Наша собственная сознательная дѣятельность должна быть направлена не на поддержаніе археологическаго остатка отдаленной старины, а на созданіе новой русской культурной традиціи, соответствующей современнымъ общественнымъ идеаламъ». Чрезъ свою культуру русская исторія вела и требовала опредѣленной политики. И историкъ Милюковъ отъ «Государственнаго хозяйственнаго хозяйства въ первой четверти XVIII столѣтія и реформы Петра Великаго» и «Спорныхъ вопросовъ финансовой исторіи московскаго государства» переходитъ къ «Очеркамъ по исторіи русской культуры», а отъ нихъ — къ чистой политикѣ: къ публицистической хроникѣ и болѣе углубленнымъ: «La Crise Russe», «Russia to-day and to-morrow», «Russlands Zusammenbruch», «Россія на переломѣ».

Въ этомъ перемѣщеніи центра вниманія и замѣщеніи

научныхъ интересовъ о прошломъ политическими заботами о будущемъ сказались и вліяніе объективной исторической обстановки, и личная психологія, — психологія русскаго интеллигента, по первому зову готоваго безъ колебаній оставить любимое дѣло, даже научное творчество и долгими трудами заслуженный авторитетъ поставить подъ удары превратной политической судьбы. Въ личной судьбѣ П. Н. Милюкова какъ бы воплощена живая исторія русскаго освободительнаго движенія.

П. Н. Милюкова обвиняли въ доктринерствѣ и справа, и слѣва. Особенно охотно обвиняли тѣ, кто сначала обстрѣливали позиціи Милюкова слѣва, а затѣмъ стали нападать на него справа. И обратно: начавъ обстрѣломъ справа, стали вполѣдствіи обстрѣливать слѣва. Измѣнялись углы зрѣнія. Переимѣнились и противники Милюкова. Себѣ равнымъ оставалось лишь непріятіе ими Милюкова и позиціи самого Милюкова. Милюковъ оставался непримиримымъ врагомъ насилія и гнета, откуда бы они ни исходили и какими бы лозунгами и знаменами они ни прикрывались. Такая вѣрность усвоенной политической идеологіи, можетъ быть, была и не типична для политически малостойчивой русской психологіи. Она была характерна для русскаго европейца.

П. Н. Милюковъ готовъ былъ какъ угодно сурово критиковать интеллигенцію — «мозгъ и память народа». Онъ никогда не шельмовалъ ея. Тѣмъ паче — не отрекался отъ нея, отлично сознавая, что отречься отъ нея значило бы отречься отъ самого себя.

Будучи убѣжденнымъ противникомъ революціи, Милюковъ всячески предостерегалъ отъ нея, противился ей. Но когда революція все же произошла, онъ безъ колебаній сталъ на ея сторону, рѣшительно отменяя сомнѣнія доктринеровъ. «Меня спрашиваютъ, --- говорилъ онъ собравшимся въ Екатерининскомъ залѣ Таврическаго дворца вслѣдъ за провозглашеніемъ Временнаго Правительства, --- кто васъ выбралъ? Насъ никто не выбиралъ! Насъ выбрала русская революція».

О П. Н. Милюковѣ можно сказать то же, что Ф. Ф. Кошкинъ говорилъ о себѣ и о М. М. Винаверѣ — : «Мы рождены быть парламентаріями, а судьба все ставитъ насъ въ условія, гдѣ борьба должна вестись другими путями» П. Н. Милюковъ былъ рожденъ быть ученымъ или парла-

ментаріемъ, а судьба — злая судьба русской исторіи — все высылала его на передовыя позиціи, ставила подъ удары обостренной, ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ не считавшейся партійно-политической борьбы.

Милюкова-историка никто не смѣлъ отрицать. На Милюкова политика кто не нападалъ?

И намъ приходилось не разъ сталкиваться съ Милюковымъ-политикомъ. Наши разногласія обострялись въ кратковременные періоды подъема освободительной борьбы и они смягчались въ затяжные періоды спада политической волны. Но и обостренные конфликты касались больше тактики Милюкова, а не его политической идеологии. Русскій народнической социализмъ П. Н. Милюкова считалъ ненаучнымъ. Но и онъ признавалъ его интимную связанность съ русской жизнью, его «почвенность». П. Н. Милюковъ всегда оставался въ сторонѣ отъ безвкуснаго «соціалистоѣдства». И мы, какъ соціалисты, съ своей стороны, могли только предпочитать того, кто насъ отрицалъ, — тѣмъ, кто насъ — и соціализмъ! — компрометировалъ...

Не былъ соціалистомъ и Вудро Вильсонъ, и Томасъ Массарикъ, и Вальтеръ Ратенау. Ихъ жизненному дѣлу, однако, сочувствовали и соціалисты; активнѣе и послѣдовательнѣе другихъ, можетъ быть, именно — соціалисты. Съ другой стороны, не одной же удачей опредѣляется истинная политика. Неудача — «профессіональный рискъ» политика, *les risques du metier*. Да и чья политика въ Россіи, кромѣ большевицкой, оказалась удачной? Не слѣдуетъ же отсюда, что «удачливая» политика большевиковъ только и была единственно правильной.

Такъ сложилась русская исторія, что одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ современниковъ оказался «лишнимъ человѣкомъ» для своей родины и очутился на чужбинѣ какъ разъ въ то самое время, когда его западные коллеги и сверстники — профессора Вильсонъ и Массарикъ — получили прижизненное признаніе своихъ согражданъ. Мы не склонны видѣть въ этомъ чью-либо личную неудачу. То — неудача, трагедія и рокъ русской исторіи, какъ живого культурно-политического процесса.

Привѣтствуя глубокочтимаго Павла Николаевича съ 70-лѣтіемъ его славной жизнедѣятельности, мы приносимъ ему и свое признаніе, какъ выдающемуся ученому и учи-

телю трехъ поколѣній русскаго образованнаго общества, какъ одному изъ самыхъ заслуженныхъ вождей русской интеллигенціи и достойнѣйшихъ гражданъ Россіи.

Въ интересахъ Россіи, въ цѣляхъ скорѣйшаго ея возрожденія, мы желаемъ, чтобы такое признаніе получило общую значимость и было воспринято и тамъ, во глубинѣ Россіи.

М. В. Вишнякъ.